

У нас в гостях певец Филипп Киркоров

Самый красивый мужчина Мадонны

— Филипп, вы ныне один из самых модных певцов на эстраде. А что этому предшествовало?

— Придумывать себе биографию, овеянную дымкой таинственности и романтики, и таким образом «интересничать», как это делают иные, не собираюсь. Я вырос в артистической семье, и это предопределило мое будущее. Отец — певец, мать — театральная актриса, тетя — известная оперная певица в Болгарии...

До восьми лет я жил в Болгарии, потом мы переехали в Москву, и я стал учиться в самой обычной школе. Здесь, в отличие от многих других ребят, когда мы были уже в старших классах, я не пил, не курил. И вообще не хулиганил. Но не потому, что был тихоней, а просто потому, что мне это не нравилось. Ведь, если вдуматься, почему подростки часто нарушают общепринятый порядок и ведут себя плохо с точки зрения нравственности и морали, ответ напрашивается сам по себе: для них это самый простой способ заявить о себе, привлечь к себе внимание, выделиться. А поскольку добиться этого чем-то положительным, например, успехами в учебе, значительным и полезным поступком, делом, гораздо сложнее, то они и ведут себя порой самым безобразным образом. Избить сверстника, напиться, украсть что-то, унижить девочку, наговорить на себя черт знает что, чтобы выглядеть героем, для этого большого ума не надо.

Но я никогда не плелся в хвосте, старался быть первым, в центре внимания. И для этого упорно учился на все пятёрки. Не зубрил, не подлизывался, чтобы корыстно пользоваться симпатией, которую питали ко мне некоторые учителя, считая примерным учеником. Сейчас говорю об этом вовсе не потому, что хочу представить себя образцово-показательным школьником. Мне действительно прежде всего было интересно учиться (сегодня это кое-кому может показаться странным), от своих родителей я никогда не слышал худого слова о школе. Может быть, что-то им и не нравилось, но мне они свое отношение не передавали. Положительную роль сыграли и сами учителя. Именно благодаря их беззаветной преданности своему делу, я пристрастился к чтению и даже начал сам что-то сочинять, полюбил литературу и химию, обожал делать всевозможные опыты в лаборатории. Наша «химичка» Розалия Николаевна всегда поощряла подобную инициативу, считая, что постижение науки должно происходить не только в теории, но и опытным путем. Свою школу № 413 на Котельнической набережной я вспоминаю с большой теплотой и признательностью. Память о своих первых учителях я сохранил на всю жизнь, и мне приятно сказать им об этом со страниц их профессиональной «Учительской газеты», хотя вообще-то я не сторонник публичных признаний в любви. Это чувство сугубо интимное.

— Ваша тяга к сцене, наверное, уходит корнями в самое детство?

— Что верно, то верно — вы-

ступать я любил с раннего детства. Показывал немудреные фокусы, пел, танцевал. Видимо, сказывалась домашняя артистическая обстановка. В школе принимал активное участие в работе драматического кружка. Такой, по-моему, должен быть в каждой школе как одна из форм художественной самостоятельности. Участие в драматическом кружке обогатило мою речь, сделало ее более выразительной, а главное, помогло глубже понимать характеры литературных персонажей.

— А когда же произошла первая проба голоса?

— В школе на выпускном вечере. Может быть, меня вдохновил пример моего любимого Пушкина, который на выпускном вечере в Лицее прочитал свои стихи, а, может быть, это решение было подсознательным, но поскольку стихи я не писал, то выступил тогда с тем, что умел: впервые спел песню, посвятив ее своим учителям, своей школе. Потом учился вокалу в музыкальном училище им. Гнесиных. В 1985 году, когда был первокурсником, совершенно случайно попал в телепередачу «Шире круг». Меня тогда заметили и стали с тех пор время от времени приглашать сниматься. Хорошо мне везет в жизни на хороших людей, это очень важно, когда в самом начале встречаешь доброжелательное отношение. Судьба свела меня с настоящими профессионалами — Аллой Пугачевой, Леонидом Дербеневым, Ильей Резником. Они щедро делились своим мастерством и охотно помогали советами.

Сейчас я работаю в тесном сотрудничестве с молодым композитором Алексеем Гарнизовым. Его песня «Сажая розы на снегу» была признана лучшим шлягером на фестивале «Золотой Орфей-92» в Болгарии, где я завоевал второе место. На этом фестивале публика подарила мне «Приз зрительских симпатий», а пресса отменила собственной специальной премией. Об участии в этом конкурсе я мечтал давно. Ведь Болгария — моя вторая родина. Может быть, именно это и помогло мне завоевать там второе призовое место.

— Наверное, у нас много друзей?

— Мне кажется, что много друзей не должно быть. Когда много, значит, никого. Нам, артистам, тем более трудно обрести настоящих друзей в своей среде. Эта печальная особенность отличает, к сожалению, и некоторые другие профессии, хотя они и считаются гуманитарными и, казалось бы, должны облагораживать человека. Лучший мой друг — моя мама. Здесь все проверено, я знаю, что никогда ни в чем не будет фальши и предательства. Как было бы хорошо, если бы все мы были так же уверены в тех, с кем ежедневно общаемся на работе...

— Как вы относитесь к своей все возрастающей популярности?

— Она мне нравится. Говорю об этом без всякой ложной скромности. Но слава — это не только сладкая, но и тяжелая ноша. Не верьте тем, кто говорит, что устал от поклонников, от популярности, что все это надоело и тяготит. Я ею дорожу и отно-

шусь к ней весьма бережно и благоговейно. Для меня популярность — эликсир, катализатор и в то же время — компас. Чем больше поклонников, тем уверенней, лучше я себя чувствую, сильнее желание работать. Конечно, есть среди них и чрезмерно назойливые, бесцеремонные, но то, что их всех объединяет — радость от общения с искусством, — бесспорно. Поэтому я им все прощаю.

— Артисты жалуются, что зритель теряет интерес к концертам. Вы ощущаете это на своих выступлениях?

— Не хочу хвастаться, но у меня всегда аншлаги. Даже во Дворцах спорта, где собираются десятки тысяч зрителей. Наверное, привлекает то, что я не пользуюсь фонограммой, пою «живьем». Людям надоело молоко из порошка, колбаса из крахмала, хлеб с примесью непонятно чего. 25 песен в моей программе интересно и красиво оформлены с помощью пиротехники, лазеров. Кроме того, на мои концерты не продают дорогих билетов. Пусть останусь в убытке, зато люди смогут два часа провести на празднике. Когда я пою, то просто физически испытываю чувство радости. Своё ощущение мне хочется передать окружающим, чтобы у них в это тяжелое и тревожное время поднялось настроение, чтобы они воспряли духом. И потом — ничто не объединяет людей так, как искусство, причем объединяет не так, как нынешние митинги, а прекрасными порывами души.

— Во время недавних гастролей по США и Канаде ваши партнеры — дуэт «Поцелуй» и певица Элен Аджа остались там, решили не возвращаться на родину. Нанесло ли это ущерб вашей программе?

— Ничуть. Со мной осталась Маша Шатланова, она неплохо помогает мне. Ее верность избранному пути достойна уважения, а преданность Отчеству — тем более. Очень верно сказал поэт: «Землю, с которой вместе мерз, вовек разлюбить нельзя». И то, что она выросла такой, — тоже заслуга школы. Я в этом убежден.

Что же касается сестер Красиковых, то их прельстил сытый и внешне красивый американский быт. Они решили попытать счастья на чужбине. Что же — это их личное дело. Сейчас они поют и танцуют в клубе для престарелых, будоража их эмоции и напоминая о далекой молодости. Пытаются предлагать свои услуги и знаменитому «Плейбою». Каждый зарабатывает, чем может. А мулатка Элен решила воспользоваться гастрольями, чтобы остаться и попытаться отыскать своего отца, приехавшего когда-то в нашу страну... Ее как раз понять и простить можно. Хуже, когда у человека нет ни дочерей, ни сыновних чувств, и он живет, как Иван родства не помнящий. Такой достоин только сожаления.

— В отличие от некоторых популярных певцов у вас нет охраны. Не собираетесь ли обзавестись ею?

— Я вообще принципиально против охраны и охранников как таковых. По-моему, значительно артисту это не прибавляет, а

популярности тем более. Самая верная охранная грамота для артиста — это его достойное поведение, не дающее повода для слухов, сплетен и всевозможных домыслов.

— Раньше вы гастролитировали по единой стране — Союзу республик свободных, как пелось в гимне. А теперь?

— Нельзя допустить, чтобы артисты сидели взаперти по своим национальным квартирам, а ретивые поборники независимости и суверенитета, судя по всему, именно к этому и ведут. Остается только надеяться, что обретенная за семь десятилетий общность культуры все-таки сохранится, уцелеет. Для артистов не должно быть границ на земле, и мода на таможни не должна коснуться искусства. Артист — вне политических и националистических игр. Мы нужны зрителям, и зрители нужны нам.

— Ныне артисты стремятся подзаработать за границей. Жанна Агузарова «инкогнито» исчезла в США. Геннадий Хазанов решил теперь на всякий случай свое российское гражданство разделить с израильским. Не собираетесь ли вы последовать их примеру?

— Нигде я не ощущаю такого магнетизма сцены, как у себя дома. Несмотря на то, что в моих жилах течет наполовину болгарская кровь, я все же больше русский. Дома мне все близко, понятно и дорого. Я испытываю радость от общения со зрителями, коллегами, своими поклонниками и променять все это на жизнь, может быть, и сверхсчастную и «сверхупаковочную» не намерен.

— Вас не утомляют многочисленные поклонницы? Вы допускаете, что среди них может оказаться как раз та единственная, которая станет вашей избранницей?

— Допускаю, но пока такую не встретил. Однако есть у меня особая поклонница, которой я очень горжусь. Это мой далекий заочный друг и критик. Антонине Семеновне из маленького украинского городка — 70 лет. У нее тонкий вкус и высокие требования к искусству, свое видение эстрады, принципиальное суждение о ней. Мы с ней регулярно

переписываемся. Если долго не получаю от нее писем, начинаю беспокоиться. И не только по-человечески, учитывая ее возраст, но и в творческом плане. К ее мнению и оценкам чутко прислушиваюсь, так как убедился, что они всегда точны и полезны.

— Легко ли сейчас сохранять отличную сценическую форму?

— Легко и нелегко. Молодость позволяет легче переносить большие нагрузки, жизненные и творческие неудачи. Много раз пришлось сталкиваться с тем, что меня вежливо бойкотировали. «Успеешь, мол, еще молод, у тебя все впереди», — слышал я постоянно. «Гран-при» получил только на конкурсе «Шлягер-90». Это был четвертый конкурс, в котором принял участие. На предыдущих, хотя и лидировал, но приходилось уступать старшим, пробивным и со связями. Это только в песни у нас пелось: «Молодым везде у нас дорога», в реальной жизни все было совсем не так.

Что касается внешности, то это заслуга мамы и папы, а также модельера Славы Зайцева, который теперь меня одевает с учетом, как он говорит, индивидуальности. Не за так, разумеется. Сценическую форму приходится поддерживать постоянно — искусство требует жертв. Но в беге по утрам, в занятиях легкой атлетикой и плавании нахожу удовольствие. Так что сочетаю приятное с полезным.

— Какой праздник вам больше всего нравится?

— Первое мая. Но не потому, что это праздник трудящихся всего мира, а потому, что это — начало весны и накануне его, 30 апреля, я родился.

— Как-то в прессе промелькнуло, что всемирно известная Мадонна якобы сказала, что в России самый красивый мужчина — вы. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Она — женщина, много выдавшая, и ей видней. Спорить с ней не берусь.

Илья ОКУНЕВ